

стали использовать общественный транспорт для передвижения. На остановках автобусов или троллейбусов нередко можно увидеть ждущую собаку, которая потом вполне привычно ныряет в открывшуюся дверь. Они прекрасно ведут себя даже в самом перенабитом автобусе, гораздо лучше, чем мы. Недавно в ужасающей давке я села на случайно оказавшийся на сидении хвост зловеще мрачной дворняги. Она решительно высвободилась и лишь слабым, укоряющим вздохом дала понять, что я нарушила правила поведения пассажира. Представьте себе, какой мордобой царил бы в часы пик (впрочем, теперь все время именно такие часы), если бы у людей были хвосты?! И без хвостов — сплошная ругань.

Теперь собаки осваивают метро. Словно торговцы с огромными тюками, они вступают на прежде запретный для всего «негабаритного» эскалатор.

Все больше и больше бродячие начинают отличаться от привычных милых созданий, радостно бросающихся встречать хозяина, тоскующих в одиночестве, беспомощных, обаятельных немножечко рабским обаянием, так льстящим нашей гордыне. Эти, на улицах, — другие. Самые закоренело бездомные вообще не замечают людей. Для них мы словно отошли в параллельный мир. Как быстро их настигло «расчеловечивание», каким коротким оказался путь к изначальной дикости, переход от «собачьей площадки» — к вольной стае. От трогательной привязанности к человеку — к холодному сосуществованию.

Когда я вижу разномастные стаи, не нареком натыкаюсь на тяжелый, уже совершенно, звериный взгляд, мне становится страшно: будто я заглянула в зеркало. Не собаки только, а все мы проходим сегодня стадию непредсказуемых превращений. И меня уже не удивляет чудовищная городская грязь, напряженность и агрессия, на которые то и дело наталкиваешься. Не только на улице, но и во вполне окультуренном виде собственной деятельности. Что-то первобытное, дикое, от материи, а не от

государство поддерживало ее из рук вон плохо и, главное, тенденциозно, но зато все время кричало, что делает больше всех прочих. А потому в обществе хотя бы сохранялся престиж культуры, она была как бы осознанной необходимостью.

Теперь — культура на улице. О ее престиже никто не заботится. Ее судьба — в ее собственных руках, а руки слабеют. Ситуация «без хозяина» жестко меняет нас, подавляет то, что формировалось веками. Потому, натыкаясь на бродячих собак, думайте о себе: они наше предостерегающее зеркало. Кто знает, может быть, в этом предостережении последний проблеск былой собачьей верности. Жаль только, что политики редко ходят по улицам, тем более в районах мусорных куч и гигантских свалок. Они смотрят в глаза своих домашних, вполне отмытых, сильных и веселых собак.

Римма КРЕЧЕТОВА.

Собаки и мы

духа просыпается в гражданах. Что-то тянет вниз не только обличаемых всеми торговцев, но политиков, художников, врачей и т. д. Если так быстро и так решительно могли измениться собаки, то почему не может меняться то, что принято обозначать высокими словами «народ», «человечество». Вопрос в том, насколько устойчивы изменения. Можно ли снова приручить одичавшего пса? И можем ли мы, прошедшие через «шоковую терапию», вернуться к нормальному внутреннему объему? Невольно вспоминаются всякие литературные ужасы, не сегодняшние, а классические, вроде «Острова доктора Моро» Герберта Уэллса.

Что мы знаем о психических коллективных процессах? Ничего достоверного. Сегодня становится модным говорить о гипнотических свойствах былых «вождей», толкавших страны в духовную преисподнюю. То и дело слышишь: «зомби», «кодирование». Чья-то злая воля, дескать, во всем виновата. Но кто «кодировал» этих собак, с которых так легко и быстро слетело все их бесконечно длившееся оккультурирование (если верить ученым, они были приручены еще пещерными нашими предками)? Вы скажете — это всего лишь собаки, человек же — венец природы, перл эволюции, он создан по образу и подобию Бога. Но вспомним, вспомним недавнее прошлое. Да, церкви рушили у нас по распоряжениям свыше. Но никто не давал призыва превращать их в отхожее место, растаскивать на кирпичи. Ведь это все делалось «снизу» как знак всеобщего отступления от духовных и культурных традиций. Вспомним: на миллионы репрессированных нашлось нужное число охранников и «троек». Грань нравственного обморока совсем не так далека от человека, как представляется. А в трудной ситуации, подобной сегодняшней, она опасно приближена.

И дело не в экономических трудностях, они-то как раз переносимы. Сложнее с общепсихологическим шоком: сегодня мы, как эти собаки (надеюсь, читателя не оскорбляет такое сравнение, все мы слабые живые твари на общей Земле), лишились прежнего хозяина: государства-чудовища, которое, сделав нас своей собственностью, все решало за нас и худо-бедно кормило. Оно распоряжалось нами, но избавляло от массы повседневных хлопот. В том числе и от забот о культурной среде. Конечно,

О ПУСТЯКАХ

ВСТОЛИЦЕ много бездомных собак. Одни — уже родились на улице, были выкормлены бродячей мамой, избежали внимания наших не в меру жестоко-общительных детей и теперь чувствуют себя «коренными москвичами». Другие — только недавно лишились дома, у них несчастный, погибающий вид. И у многих прохожих екает сердце: взять бы, обогреть, накормить, но условия... И милосердие затухает. Прав был Воланд: «квартирный вопрос» нас действительно «испортил».

Потеряв хозяина, собаки постепенно как-то оправляются (кто выжил, конечно) от постигшего их несчастья и, выйдя из шока, начинают совершенно новую, вполне «рыночную» жизнь. У каждой есть свои сферы влияния, своя территория. Порой возникают жестокие «разборки». Прислушайтесь: стаи уже привычными звуки ночной стрельбы сменяются злобным лаем, переходящим в рычание: собственность есть собственность. Собаки научились существовать в автомобильном безумии наших так называемых «проезжих частей». Они совершенно осмысленно переходят улицы не обязательно в толпе, подражая искушенным пешеходам, но и вполне независимо: взгляд влево, взгляд вправо, внимание к светофору, а не только к поведению машин. Больше того, они

Журнал «Окно» № 16-17, сентябрь 1993 год.

с. 6